Последнее путешествие Вилли Ломена

Итак, трагедия обыкновенного американского гражданина Вилли Ломена завершилась. В последний раз человек, проживший на земле «вроде временного постояльца», закрыл за собой дверь маленького домика с его неверным уютом и прозаичным, шатким благополучием. Далекую и безысходную музыку ночи прорезали судорожные, как хрип умирающего, автомобильные гудки, тяжело метнулась за сценой потерявшая управление машина, и Вилли Ломен, исчерпавший столько дорог с образцами чужого товара, отправился в путешествие, из которого не возвращаются.

На этом закончилась жизнь героя пьесы Артура Миллера «Смерть коммивояжера». На этом, по существу, исчерпывается главная тема спектакля Театра драмы имени А. С. Пушкина, последовательно раскрывающего путь, которым шел Вилли Ломен к неотвратимой гибели.

В подзаголовке своей пьесы одно из самых талантливых и прогрессивных американских драматургов Артур Миллер написал: «Кой-какие частные разговоры в двух действиях и реквием». Но «Смерть коммивояжера» решительно вырвалась за пределы «частных разговоров», оправдав высказывания автора, писавшего недавно в статье о театре, что «человека нельзя изобразить, не показывая мира, в котором он живет...»

Спектакль, поставленный режиссером Р. Сусловичем, спектакль незаурядный и сильный, хотя и отмеченный рядом противоречий, показывает разрыв, существующий между иллюзиями Вилли Ломена и реальной действительностью. Этот разрыв и приводит к трагедии, в результате которой погибает «бродячий продавец чужого добра».

«СМЕРТЬ КОММИВОЯЖЕРА» В ТЕАТРЕ ДРАМЫ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Непрочность мира, в котором живет Ломен, подчеркнута во всем образе спектакля, в тонкой и проникающей в глубь авторской мысли музыке композитора А. Животова, органически входящей в действие, в острых и содержательных декорациях А. Тышлера.

На фоне неустойчивых, как бы застывших в опасном наклоне небоскребов стиснутый каменной громадой большого города стоит домик — карточная постройка, которая рассыпется от легкого прикосновения. Все выбито в этом игрушечном домике, откуда ушли теплое дыхание семьи, вкус жизни и надежды. Мертвенной тоской веет от скошенных под резким углом темных уличных стен, от замораживающей чистоты кабинета хозяина Вилли Ломена — Говарда Вагнера, от красноватого кирпича ресторана, где даже спинки стульев неуловимо напоминают контур скелета с растопыренными руками мертвеца. В этом страшном мире живет Вилли Ломен.

Удивительно играет Вилли Ломена Ю. Толубеев. Актер, обладающий абсолютным чувством правды, Толубеев делает зримыми самые сложные сюжетные ходы, самые смелые перемещения во времени. Трудность постановки и исполнения пьесы Миллера, помимо ее большой философской глубины, состоит еще и в том, что автор с полной свободой переключает действие из настоящего в прошлое, заставляет героев без всякой паузы переходить из мира реальности в мир воспоминаний. Задача усугубляется для Толубеева тем, что его герой почти не покидает сцены. Все остальные действующие лица попеременно являются молодыми или старыми. И только Вилли — Толубеев переступает через десятилетия на глазах у зрительного зала силой одного только внутреннего преображения.

Уже в первом безмолвном появлении Толубеева виден замысел актера. Усталый, грузный человек с одышкой пересекает сцену, сгибаясь под тяжестью двух новеньких чемоданов. Бродячий продавец чужого добра, согнувшийся под его бесполезной ношей! Но вот память вернула из прошлого время ожиданий и надежд. Идя навстречу воспоминаниям, в которых Ломен — Толубеев тщетно ищет объяснения надвигающейся на него катастрофе, он делает несколько шагов вперед... И вы видите уже не стареющего человека, изнемогшего под бремнем жизни, в веселого, неугомонного искателя счастья, уверенного, что он не упустит из рук «синюю птицу» удачи.

Как тонок переход от реального разговора с женой к воспоминанию, в котором он, уставший от тоскливых скитаний, изменил жене с женщиной, случайно встреченной в гостинице! (Ее смело и человечно играет В. Ковель). Наивное мужское самодовольство, торопливая грубоватая ласка соединились в движении, которым он вибрасывает дождем разноцветных чулок свою случайную спутницу. И вдруг один чулок, зажатый в пальцах, как разматывается нить воспоминаний (превосходная режиссерская деталь!), влечет его обратно к жене, безропотно штопающей свою пару чулок.

Прифранченный, собранный, игриво помахивая тросточкой, походкой фланирующего денди непринужденно идет Ломен — Толубеев в контору хозяина, чтобы просить о переводе на работу без разъездов. Полудетская безмятежность Ломена только подчеркивает трагизм его объяснения с хозяином. Страшное решение циничнейшего дельца не дайсвых джунглей, где ценится только то, что можно продать, обрушивается на Ломена, как землетрясение. Замечательно передает Толубеев внезапный бунт маленького человека, выгнанного на улицу и теряющего последние иллюзии.

— Вы меня выжали, как лимон, и хотите выбросить кожуру? Но человек не лимон! — почти без памяти кричит Ломен. И в это время (нельзя не оценить и этот ход режиссера) включенный магнитофон механически повторяет вопль отчаяния, вырвавшийся из сердца оскорбленного, раздавленного человека. Ужас охватывает Ломена — Толубеева, услышавшего свой крик. Потрясенный, испуганный, сникший, как человек, из которого вынуто жизнь, он смотрит вокруг тусклыми недоуменными глазами. Напрасно он ощупывает воздух руками в поисках опоры. Все, что он выстроил за свою жизнь, покоилось на песке, а песок бесплоден. Поэтому оказались прахом надежды, поэтому выросли неудачниками сыновья, поэтому на краю жизни у Вилли Ломена уцелела только последняя из иллюзий: 20 тысяч долларов страховки, которые получит после его смерти семья.

Поистине потрясет у Толубеева сцена прощания с жизнью. Уходя из дома, он бережно и нежно, как живых, гладит холодный металл холодильника, перила лестницы, обструганные его руками,—все то, на что напрасно истратил свою жизнь.

Трагедия Вилли Ломена, воплощенная Толубеевым со всем богатством и глубиной реалистического искусства, прозвучала как воинственное разоблачение пресловутого американского рая.

Превосходной партнершей Толубеева стала в спектакле Н. Мамаева. Театр совершил смелый шаг, поручив роль жены Ломена—Линды молодой актрисе, исполнительнице ролей Офелии, Нины Заречной, юных советских девушек. И не ошибся. С большой искренностью, внутренним благородством, при строго отобранных внешних средствах, Мамаева передала душевную молодость, незамутненную чистоту, одухотворяющие образ седой, измученной невзгодами мудрой спутницы Ломена. Просто и сильно, как итог, выстраданный нелегкой жизнью, звучит ее монолог над могилой Вилли.

— Сегодня внесла последний взнос за дом. Как раз сегодня. А в доме некому жить. Мы совсем никому не должны. Мы свободны от всяких долгов. Совсем свободны...

Очень тихо, как беседуют с интимным другом или с самим собой, произносит эти слова актриса. А на них встает жестокая несправедливость мира, в котором свободы достигается только смертью. Таков итог пьесы Артура Миллера и спектакля. Итог значительный и серьезный. А противоречия? Нужно ли говорить о них? Но именно потому, что главное в спектакле выиграно, нельзя умолчать о том, что разрывает его правдивую ткань.

Пьеса написана условно. Но у театральной условности, даже у самой смелой, есть свои обязательные условия. Можно сколько угодно перемещать на глазах зрителей время и место действия, но в каждом его отрезке необходима полная достоверность жизни. За пределами этой достоверности оказались в спектакле почти все сцены с детьми, перегруженные нарочитым, чисто внешним движением. Конечно, законно стремление показать детей Ломена—Бифа и Хэпи ловкими спортсменами, обязательными счастливчиками, какими они живут в представлении отца. Ведь это одна из самых явных и горьких иллюзий Ломена. Но, помимо этого, а может быть и важнее этого, показать в подростках хотя бы намек на будущие характеры. Разве не важно увидеть ту нервность, ту обостренную чувствительность Бифа, которая наложит разрушительный след на все будущее мальчика после его первого жизненного потрясения? Но прежде всего надо, чтобы было само потрясение. А юный Биф, каким он показан в исполнении Ю. Дубравина, даже в решающей сцене с отцом слишком прямолинеен и слишком поглощен демонстрацией своей спортивной ловкости.

Может быть, и в образе взрослого Бифа, которого играет один из интереснейших актеров В. Честноков, не хватает подчас внутренней последовательности потому, что некоторые существенные черты его натуры не были заложены в юном Бифе?

Режиссер может выбрать любой принцип решения. Но во всех случаях он должен быть единым. Условная естественность действия разбивается тем, что Линду старую и молодую воплощает одна и та же Мамаева. Бернарда-мальчика и Бернарда-взрослого играет (и играет очень хорошо, кроме тех мест, где он из живого человека превращен в заводной механизм!) Ю. Родионов. А его товарищов Бифа и Хэпи там, где они подростки, подменяют другие исполнители.

Выпадает из тональности спектакля и сцена в ресторане, в которой нарушено чувство пропорции, меры, художественной логики. Недостаток чувства меры опустил и в финале спектакля. Едва ли после уже свершившейся катастрофы нужны такие обстоятельные, подробные сборы перед похоронами. И уж совсем не нужна после трагически-обобщающего монолога Линды чисто иллюстративная картина опустевшего дома. Право же, никакая демонстрация голых стен не может сказать на сцене больше, чем обжигающее горем живое человеческое слово.

«Смерть коммивояжера» была напечатана в русском переводе три года назад. За три года ни один театр не осуществил ее постановки. Театр имени Пушкина оказался первым и пока единственным. Нельзя не радоваться тому, что знакомство зрителей с талантливой, социально острой пьесой произошло в нашем городе. Раскрыв трагическую судьбу рядового американца, мечтавшего о своем скромном счастье, театр одновременно раскрыл трагедию человека, безжалостно растоптанного машиной сегодняшней американской действительности.

Это и составляет современный смысл и пафос спектакля.

Р. БЕНЬЯШ

На снимке: сцена из второго действия спектакля «Смерть коммивояжера». Народный артист СССР Ю. ТОЛУБЕЕВ (справа) в роли Ломена и заслуженный артист РСФСР Г. СОЛОВЬЕВ в роли Вагнера.

Фото Д. Мевшина